

*Отдел издается
каждый с
благословением
и убожеством
де*

Вадим Колмаков

ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д.В. СКРЫНЧЕНКО

Проблемы совершенствования, обновления церковной жизни были весьма актуальны в начале XX века. В это время в России многие осознавали необходимость модернизации как общества, так и государства. Нуждалась в реформах и Русская Православная Церковь. В этом номере мы завершаем публикацию статьи о трудах Д.В. Скрынченко, посвященных проблемам церковной реформы.

Попытка начать церковные реформы датируется 12 декабря 1904 года, когда император подписал указ «О предначертаниях к совершенствованию государственного порядка». В нем не было речи о церковной реформе, но современникам было ясно, что «совершенствованию» «неминуемо затронет интересы первенствующей и главенствующей в империи конфессии».¹ В марте 1905 года увидела свет записка «О современном положении Православной Церкви», которая была составлена для С.Ю. Витте профессорами столичной духовной академии. В ней ставился вопрос о церковных преобразованиях, в числе которых упоминались созыв Поместного Собора, изменение статуса прихода, усиление самостоятельности Церкви, а также отмечался кризис духовной школы. Прежде всего в записке констатировалось, что «духовная школа мало занимается современными течениями общественной мысли».² Ограниченность будущих пастырей, как указывалось в записке, вызывалась искусственными запретами на ознакомление с антирелигиозной и социалистической литературой. В результате православные пастыри часто не обладали умением полемизировать. Из признания подобного положения следовал вывод, что «священнику необходимо по-

дробное критическое ознакомление со всеми течениями культурной мысли».³ Следует заметить, что авторы записки, на основе которой формулировалась государственная политика по отношению к Церкви, рассматривали церковную реформу как дело государственное, а не внутрицерковное, тем самым создавая непреодолимое препятствие на пути столь нужных преобразований. «Вопрос о духовной школе, — отмечалось в записке, — не есть вопрос отдельного ведомства, ибо от его постановки всецело зависит степень религиозного воздействия на народ».⁴ Созванное вскоре Витте совещание по церковным вопросам с участием епископа Сергия (Старгородского) выработало предложение о созыве Поместного Собора духовенства и мирян. В свою очередь, Синод обратился к императору с просьбой созвать Собор и избрать патриарха. Однако под влиянием К.П. Победоносцева эти идеи до реализации не дошли.⁵ На обращение членов Синода 31 марта Николай II наложил резолюцию, согласно которой Собор будет созван «в благоприятное время».⁶

17 апреля 1905 года вышел указ «Об усилении начал веротерпимости», поставивший православное духовенство в сложное положение. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал,

что указ от 17 апреля в Западном крае привел к массовому переходу в католицизм⁷ и стал для многих в Церкви неожиданностью. Уже тем, что он появился без оповещения и предупреждения, указ вызвал критическое отношение со стороны православного духовенства, которое восприняло его как слабость и явную уступку католицизму. В то же время указ не только облегчил старообрядцам и сектантам отправление их культа, но и открыл возможность безболезненной смены вероисповедания, что было актуальным для смешанных по вероисповеданию семей в Западном крае.⁸ Вскоре митрополит Антоний (Вадковский) подал царю записку, в которой отмечал, что введение в действие указа ставит Православную Церковь в невыгодное положение по сравнению с другими конфессиями. Православие, как писал он, по-прежнему оставалось под контролем государства, в то время как остальные конфессии получили «свободу рук». Поэтому Антоний просил царя разрешить съезд духовенства и мирян, дабы Церковь обрела некоторую автономию. В октябре 1905 года Д.В. Скрынченко писал: «Надо также теперь особенно иметь в виду закон 17 апреля о веротерпимости, в силу которого от наших пастырей требуется необычайно напряженная работа для защиты интересов Православной Церкви».⁹ Кризисное состояние духовного образования и церковно-общественной жизни требовало безотлагательных реформ. Д.В. Скрынченко писал, что семинарии не удовлетворяют новым запросам жизни, поэтому «нужно, крайне нужно реформировать наши семинарии, и притом возможно скорее».¹⁰ Опасаясь, что реформа будет проведена без оглядки на реальные потребности духовных учебных заведений, Д.В. Скрынченко настаивал на том, что особую роль в этом процессе должны сыграть преподаватели семинарий как лица, знающие жизнь учебных заведений изнутри. В декабре 1905 года Николай II назначил аудиенцию трем митрополитам — Антонию (Вадковскому), Владимиру (Богоявленскому) и Флавиану (Городецкому), как старшим членам Святейшего Синода, «для непосредственного преподавания царственных указаний к предстоящему созванию Поместного Собора».¹¹

27 декабря того же года Николай II дал ре-

скрипт на имя первенствующего члена Святейшего Синода митрополита Антония (Вадковского), в котором разрешил «произвести некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви».¹² Выбор царя пал на Антония не случайно. Он был известен как идеолог реформирования Церкви, и прежде всего возвращения к Патриаршеству. Результатом рескрипта Николая II стало Предсоборное Присутствие, которое заседало с марта по декабрь 1906 года. Оно разработало рекомендации по обособлению Церкви от государства и предложило избрать патриарха.¹³ Д.В. Скрынченко считал, что «рескрипт будет иметь не меньшее значение для Церкви, чем для государственной жизни манифест 17 октября».¹⁴ Правда, было непонятно, станет ли Собор всецерковным или будет состоять только из епископов. Дмитрий Васильевич Скрынченко связывал с возможным созывом Собора оживление и, как он выражался, поднятие церковной жизни. Следует отметить, что Предсоборное Присутствие попыталось наметить путь реформирования духовной школы. В дискуссиях пятого отдела Присутствия выкристаллизовались две идеи. Первая сводилась к тому, что духовную школу следует в принципе разделить на общеобразовательную и пастырскую. При этом вопрос о финансировании первой и ее статусе не рассматривался. Вторая позиция заключалась в том, что необходима единая десятилетия духовная школа, в которую бы включались два специализированных курса, окончив которые воспитанники могли стать священниками.¹⁵

По завершении работы Предсоборного Присутствия Николай II принял с докладом трех митрополитов, но ни слова не сказал о созыве Поместного Собора.¹⁶ Тем не менее в апреле 1907 года государь уведомил митрополита Антония (Вадковского) и обер-прокурора Синода П.П. Извольского, что закончил чтение материалов Предсоборного Присутствия. Предполагалось, что Собор будет созван осенью 1907 года, при этом инициатива созыва Собора должна была исходить от императора. Но время шло, а импульса не было. К концу 1908 года стало ясно, что созыва Собора можно не ждать.

Неопределенность в проведении церковных реформ приводила к появлению как самых фантастических, так и вполне реалистических планов.

Д.В. Скрынченко несколько раз выступал с анализом планов реформ духовных семинарий. Вопрос о реформе духовной школы занял важное место в отзывах епархиальных Преосвященных, которые по инициативе К.П. Победоносцева должны были предоставить Святейшему Синоду свои соображения по вопросу о церковной реформе. Большинство архиереев указывало, что коренной недостаток духовных учебных заведений заключался в решении ими двойственной задачи. С одной стороны, они должны были воспитывать достойных пастырей, а с другой — давать образование преимущественно детям духовенства, хотя бы те и не были расположены к церковному служению⁷¹. Подавляющая часть архиереев считала, что духовная школа должна быть бессловной. Лишь Антоний (Храповицкий), который происходил из дворян, полагал, что духовная школа должна сохранить сословный характер, а начальниками и воспитателями в ней должны быть исключительно монахи⁷².

В статье «Два проекта (К вопросу о реформе духовных семинарий)» Д.В. Скрынченко подверг критике план реформы, опубликованный в «Православно-русском слове», автор которого явно хотел превратить духовные семинарии в подобие монастыря⁷³. Главное, с чем был не согласен Д.В. Скрынченко, — клерикализация системы духовного образования. Вскоре Д.В. Скрынченко проанализировал еще один проект церковной реформы, опубликованный в «Орловских епархиальных ведомостях». Его автор предлагал соединить духовные училища и первые классы духовных семинарий, превратив их в гимназии с правами государственных, а духовные семинарии преобразовать в церковно-богословские училища с трехлетним курсом обучения⁷⁴. С этим проектом Д.В. Скрынченко был в принципе согласен, видимо, потому, что он напоминал план реформирования духовных учебных заведений, составленный в конце 60-х годов XIX века.

Составной частью нововведений и реформ, которые, как предполагалось, скоро начнутся,

Скрынченко полагал возможность доступа семинаристов во все высшие учебные заведения. Это, в свою очередь, вызывало необходимость «так реформировать духовно-учебные заведения, чтобы они стали не ниже светских средних учебных заведений по программам проходимых наук»⁷⁵. В декабре 1905 года Д.В. Скрынченко писал: «Крупные, громадные реформы совершаются или ожидаются чуть ли не ежедневно. То, что было предметом страстных желаний лучших людей страны в течение целых веков, теперь осуществляется быстро, стремительно»⁷⁶. Одним из проявлений реформы церковной жизни Д.В. Скрынченко называл отмену духовной цензуры. Жесткий контроль церковной бюрократии распространялся даже на пастырскую проповедь, что особенно возмущало писателя, всегда испытывавшего уважение к творческому слову⁷⁷. Устранение цензурного пета, по его мысли, должно привести к тому, что «на днях мы услышим живую, интересную богословскую мысль... К нам идет живая мысль, рождающая правду»⁷⁸.

В начале 1906 года Д.В. Скрынченко еще надеялся на грядущие перемены. Он писал: «Начинается реформа духовно-учебных заведений, дальше последует реформа приходской, епархиальной и всецерковной жизни. Скоро соберется всероссийский всецерковный Собор, и Россия увидит Церковь обновленную»⁷⁹. Надо заметить, что некоторые планы реформирования духов-

Д.В. Скрынченко — наш земляк,
выпускник Воронежской духовной семинарии

ных семинарий предусматривали отделение общего образования от духовно-пастырского. Это в принципе была здравая идея. Правда, неизбежно возникал существенный вопрос об источниках финансирования. Если будет создана общеобразовательная духовная школа, то есть нечто вроде гимназии, — кто будет ее содержать? Если государство, то за учение придется платить, к чему духовенство со средним доходом 300 — 400 рублей в год явно не готово⁸⁰. «Мне думается, — писал Д.В. Скрынченко, — не нужно совершенно отделять общее образование от специально пастырского, а только реформировать то и другое...»⁸¹. Он полагал, что до 4-го класса духовная семинария должна быть общеобразовательной школой, что давало бы ее ученикам право поступления в светские учебные заведения. Старшие классы в таком случае «будут специально пастырскими, с соответствующим режимом»⁸². Главной же целью реформы, в понимании Д.В. Скрынченко, заключалась в том, чтобы «выпускать образованных пастырей, стоящих по своему умственному уровню не ниже окружающего их общества»⁸³.

Несмотря на страстное стремление изменить жизнь духовных училищ и семинарий, реформа так и не началась. В 1907 году Д.В. Скрынченко вернулся к теме реформы духовной школы в связи с усилением «обновленческого» движения в Православии и радикализацией некоторой части священнослужителей. Причины этих опасных, на его взгляд, тенденций Д.В. Скрынченко усматривал в «развале нашей школы». «Горы бумаги уже исписаны об этом, но вопрос о духовной школе доселе стоит на точке замерзания», — сетовал он⁸⁴. Ситуация в духовных семинариях не менялась, что вызвало протесты семинаристов вплоть до бойкота экзаменов⁸⁵. «Вопрос о нашей духовной школе перешел в самый острый фазис свой», — отмечал Д.В. Скрынченко⁸⁶. Он настаивал на том, что проблему духовного образования следует решать, и как можно быстрее. К сожалению, реальных шагов в направлении реформ сделано не было.

К 1908 году полемика в церковной прессе о необходимости реформ угасла. Д. Поспеловский отмечает, что «реформы 1905 — 1906 годов, коренным образом преобразовавшие все мирские сферы русского быта, как будто обошли Цер-

ковь, которая по-прежнему оставалась в ведении обер-прокурора и синодальной бюрократии»⁸⁷.

В 1909 году Д.В. Скрынченко вновь вернулся к теме реформы духовной школы. Видимо, не имея возможности (даже будучи редактором) высказаться на эту тему на страницах «Епархиальных ведомостей», он напечатал статью в «Минском слове», отвечая на фельетон влиятельного публициста М.О. Меншикова в «Новом времени», издававшемся А.С. Сувориным. Петербургский публицист писал, что вера в России находится в упадке, виной чему служит нынешняя богословская школа. Д.В. Скрынченко был вынужден согласиться с тем, что «современная богословская школа во многом не удовлетворяет своему назначению и даже вредна для веры»⁸⁸. Разочарованный тем, что реформа не сдвинулась с места, Д.В. Скрынченко писал: «Мы хотели бы лишь задать один вопрос: почему Святейший Синод до сих пор не приступил к реформе духовной школы? Как можно не спешить с реформой, если духовная школа отличается *нерелигиозностью*?»⁸⁹

Церковная реформа, на которую надеялись в начале XX века, так и не началась. Одна из причин кроется в том, что Православная Церковь не обладала традицией самостоятельности. Вековая принадлежность государству гасила естественное стремление к реформе церковно-общественной жизни. Трагедия русского Православия в это время заключалась в том, что формирующееся гражданское общество добилось от государства увеличения объема свобод, но оно совершенно проигнорировало интересы и проблемы Церкви⁹⁰.

В начале века Церковь в России оказалась между молотом и наковальней. С одной стороны, развивалось леворадикальное движение, для которого усиление Церкви в результате реформ было невыгодным. Примерно такую же позицию стратегически занимала либеральная интеллигенция, для которой Церковь была олицетворением реакции и мракобесия⁹¹. С другой стороны, существовала достаточно ярко выраженная позиция царской власти, не желавшей предоставлять свободу Церкви, отделять ее от государства. Если политическая элита предпочитала традиционно рассматривать

Церковь как верную опору и не допускала мысли о выходе Церкви из-под своего влияния, то в кругах образованных Церковь едва ли пользовалась прочным авторитетом. Как указывает С.Л. Фирсов, суть проблемы церковной реформы в том, что «действительная свобода Церкви от государственного влияния возможна лишь в случае ее отделения от государства». Но «подобное возможно лишь при установлении свободы совести. В православной России «отделить Церковь от государства значило бы подорвать империю изнутри, реальная же свобода Церкви была возможна только в светском государстве»¹⁸.

В 1904—1905 годах Д.В. Скрынченко возлагал особые надежды на реформу Церкви и особенно системы духовного образования, надеясь, что трансформация церковно-общественной жизни создаст устойчивое социальное основание для реформ в России. Импульсы реформ Церкви были слабыми, в институциональном смысле положение Церкви не изменилось. Д.В. Скрынченко как мыслящий человек не мог не задаваться вопросом, почему церковная реформа так и не началась. Позднее, в эмиграции, давая оценку прошлому, Д.В. Скрынченко пришел к неутешительным выводам о природе российской власти. Он писал, что «Россией правил не русский народ, а дворянское сословие, поэтому вся система государственного управления, построенная на принципах сословности, привела к разложению аппарата управления. Эти сатрапы, — писал он, — конечно, не чувствовали, на каком вулкане они сидят»¹⁹. Ошибка властей, по его мнению, заключалась в том, что они отталкивали тех, кто их поддерживал и стремился укрепить российскую государственность. «Когда теперь, вдали от Родины и от того времени, вспоминаешь все это, всю эту гадкую игру властей, то невольно думаешь, что гром над нашей Родиной, разложившейся от центра до периферии, должен был разразиться, что власть прогнила в корне»²⁰. К этому можно добавить, что само духовенство вряд ли было готово взять на себя ответственность самостоятельной жизни. Кроме того, для Церкви были неприемлемы те методы борьбы с властью, которые использовало светское общество, а собственных эффек-

тивных механизмов влияния на политическую элиту Церковь еще не выработала. Вероятно, прав Д. Поспеловский, отметивший, что не последнюю роль в торможении реформы сыграли не только мистические чувства императора, но и то, что он воспринимал Церковь как некий канал связи с народом. Если Дума ослабила прямую политическую власть царя, то Церковь в его понимании служила транслятором императорской харизмы. К тому же жизнь русского Православия во многом определялась «симфонией» Церкви и государства (в петровском варианте), что предопределяло для Церкви пределы возможного реформирования. Д.В. Скрынченко в своих работах отстаивал консервативный вариант развития государства при определенной либерализации Церкви. Подвергать критику взгляды его за то, что он не видел далее уваровской триады, бессмысленно. Он утверждал необходимость церковного обновления в рамках открывшихся возможностей.

К концу 1907 года Д.В. Скрынченко был явно разочарован в способности власти и Церкви к реформированию, что подтолкнуло его к политической светской деятельности, результатом чего стало его участие сначала в партии октябристов, а затем во Всероссийском национальном союзе. Кроме того, он сосредоточился на изучении прошлого Западного края, а в 1908 году стал редактором «Минского слова». После кончины епископа Михаила (Темнорусова) 29 мая 1912 года Д.В. Скрынченко 30 июня 1912 года ушел с поста редактора «Минских епархиальных ведомостей»²¹, перестав служить по духовному ведомству. Можно полагать, что на столь радикальное решение повлияло и то, что с мая 1911 года обер-прокурором Синода стал В.К. Саблер, негативного отношения к которому писатель никогда не скрывал²². К тому же в июне 1912 года Д.В. Скрынченко, не желая уступать давлению властей, был вынужден закрыть газету «Минское слово». Ее закрытие было ускорено событиями на политической арене. После убийства П.А. Столыпина в сентябре 1911 года председателем совета министров стал В.Н. Коковлов, который не пользовался поддержкой националистически настроенной общественности и был слабой политической фигурой. Летом 1912 года Д.В. Скрынченко навсегда покинул Минск.

¹ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 151.

² Церковная реформа: Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе/Сост. И.В. Преображенский. СПб., 1905. С. 130.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 131

⁵ Подробнее см.: Кузнецов Н.Д. Преобразования в Русской Церкви. М., 1906. С. 25—37.

⁶ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен... С. 167—168.

⁷ См.: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С.140—147.

⁸ См.: Горизонтов Л.В. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 94.

⁹ Скрынченко Д. По поводу текущих событий. К вопросу о реформе духовных семинарий // МЭВ. 1905. № 19. Ч. неоф. С. 378.

¹⁰ Там же. С. 379.

¹¹ Смолин И.К. История Русской Церкви (1700—1917). М., 1996. Ч. 1. С. 239.

¹² Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен... С. 216.

¹³ См.: Поспеловский Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 211.

¹⁴ Скрынченко Д. По поводу текущих событий. Церковно-историческая эпоха // МЭВ. 1906. № 2. Ч. неоф. С. 37.

¹⁵ См.: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен... С. 234.

¹⁶ См.: Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. М., 1996. С. 296.

¹⁷ См.: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен... С. 211.

¹⁸ Там же. С. 213.

¹⁹ См.: Скрынченко Д. Два проекта: К вопросу о реформе духовных семинарий // МЭВ. 1905. № 20. Ч. неоф. С. 424.

²⁰ См.: Скрынченко Д. По поводу текущих событий. К вопросу о реформе духовных семинарий // МЭВ. 1905. № 21. Ч. неоф. С. 452—453.

²¹ Там же. С. 454.

²² Скрынченко Д. По поводу текущих событий. Отмена духовной цензуры // МЭВ. 1905. № 24. Ч. неоф. С. 520.

²³ См.: Скрынченко Д. По поводу текущих событий // МЭВ. 1906. № 7. Ч. неоф. С. 155.

²⁴ Там же. С. 521.

²⁵ Скрынченко Д. С Новым годом // МЭВ. 1906. № 1. Ч. неоф. С. 2.

²⁶ См.: Скрынченко Д. О духовных гимназиях // МЭВ. 1906. № 4. Ч. неоф. С. 72.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 73.

³⁰ Скрынченко Д. По поводу текущих событий. Что же делать? // МЭВ. 1907. № 10. Ч. неоф. С. 298.

³¹ Там же. С. 300.

³² Там же.

³³ Поспеловский Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. С. 212; Он же. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С.30.

³⁴ Скрынченко Д. Духовное просвещение // Минское слово. 1909. № 882. 24 декабря.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Поспеловский Д. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 17.

³⁷ В статье «Канон и свобода» в «Церковном вестнике» № 17 за 1905 год отмечалось, что образованные круги русского общества сложились во враждебном отношении к Церкви. См. также: Церковная реформа: Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе/Сост. И.В. Преображенский. СПб., 1905. С. 444.

³⁸ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен... С. 48.

³⁹ Скрынченко Д. Мои воспоминания. Рукопись. С. 23.

⁴⁰ Там же. С. 24.

⁴¹ См.: Епархиальная хроника // МЭВ. 1912. № 14. Ч. неоф. С. 528.

⁴² См.: Скрынченко Д. По поводу текущих событий // МЭВ. 1906. № 7. Ч. неоф. С. 155.